

**РЕВОЛЮЦИЯ
И МЫ**

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ДОРОГА В СССР

**КАК «ЗАПАДНАЯ»
РЕВОЛЮЦИЯ
СТАЛА
РУССКОЙ**

Революция и мы

Сергей Кара-Мурза

**Дорога в СССР. Как «западная»
революция стала русской**

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Кара-Мурза С. Г.

Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской /
С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2016 — (Революция и мы)

ISBN 978-5-906861-97-9

В книге известного российского писателя и ученого С.Г. Кара-Мурзы показано, как изначально типично западническая революция 1917 года превратилась в широкое национальное движение, что предопределило неизбежную победу большевиков и Ленина. Именно Октябрьская революция, утверждает и доказывает С.Г. Кара-Мурза, обеспечила выбор Россией своего особого пути развития («советского проекта» и далее СССР), который позволил ей за самые короткие сроки достичь впечатляющих результатов во всех областях общественно-экономической жизни. Как всегда, книга С.Г. Кара-Мурзы содержит глубокий анализ рассматриваемых событий и большое количество фактического материала.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906861-97-9

© Кара-Мурза С. Г., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	5
1. Предыстория борьбы на распутье русской революции	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич

Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской

Введение

Когда умер В.И. Ленин, Сергей Есенин написал: «Того, кто спас нас, больше нет». Сегодня нам надо это понять – не для того, чтобы разобраться в наших чувствах «любим – не любим», а ради *знания*.

Русская революция – главное событие XX века. Она – стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. Китай, Индия, Латинская Америка – ее дети. Она – конец модерна, за этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла *доиндустриальная* цивилизация, идущая в обход западного капитализма. Это – цивилизация крестьян и этносов, отвергнувшая господство гражданского общества и гражданских наций.

Мы, Россия, и сейчас живем в этой революции. Крах советского строя в его первой версии – ее эпизод, сегодня – лишь начало этого эпизода. Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо *знать* и *понимать* эту революцию. Ленин – ее продукт и ее творец, ее теоретик и конструктор. Он – ключ к знанию и пониманию.

Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более *понять* его, они следовали *неявному* знанию. Эйнштейн сказал, что в физике он «сначала находил, потом искал». Ленин и его соратники находили, а искать академические формы найденного не было времени. Нам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда и сникла советская идеология, превратившая Ленина в икону, и когда выдохся антисоветский черный миф Ленина. Молодым нужно холодное и достоверное знание, им разгребать руины и строить на пепелище – а главные удары еще впереди.

Вот условия для разумных суждений тех, кто не боится *знать*:

– Отделять свои нравственные оценки от фактов. Допустим, вы считаете священной собственностью помещиков на землю, но надо признать, что практически все крестьяне (85 % населения) считали ее незаконной. Это важный фактор реальности.

– Политика надо оценивать в реальных координатах, сравнивать не со святыми, а с теми, кто *в тот период* воплощал альтернативные проекты. Для Ленина мы имеем такой ряд: Керенский (*либералы-западники*), Деникин (*«белые»*), Савинков (*эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*). Монархисты к концу 1917 г. уже сошли с арены, даже Столыпин стал историей. Мечтать о «добром царе» – детская забава. Все актуальные фигуры «предъявили» свои проекты, люди попробовали их на зуб, а не изучали в кабинетах. Отрицаете Ленина? Скажите, с кем бы вы были и почему в тот момент.

– Не надо копаться в мелочах. Надо сравнить два главных проекта, два вектора, задававших России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект предполагал построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Его воплощали сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Это – Февраль, *«белые»*. Другой проект – советский, его воплощал Ленин. Это – Октябрь, *«красные»*.

Эти проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. С февраля по октябрь 1917 г. – в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Керенский проиграл вчистую. Под давлением и при участии Запада блок кадетов и эсеров

попытался вернуть власть военным путем, сравнение проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и военное соревнование белые также проиграли вчистую.

Надо прислушаться к мнению предков, для которых, как народу, этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ошибка была бы фатальной. Совершенно не важно, какой из проектов нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня и не наши предпочтения, а *тогда и то поколение*. О ценностях мы в ближайшее время не договоримся, сытый голодного не разумеет. Даже если сейчас захотелось жить по-рыночному, плевать в прошлое неразумно, если мы хотим ужиться на одной земле.

– О *личности* Ленина говорить не стоит. За ним не было замечено пороков или странностей, которые объясняли бы его мысли и дела. Он не был ни стяжателем, ни тираном. Это был умный и образованный человек, великий труженик, преданный своему делу, которое он считал справедливым. Многие сегодня считают его дело несправедливым. Пусть так. Но Ленин сделал дело своей совести *мастерски*, с большим успехом – так давайте брать у него пример именно в этом.

Ленин входил в мировую элиту социал-демократов, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса – интеллектуально разгромил народников с их доктриной революции «не по Марксу» и развития «по некапиталистическому пути». Но, осознав смысл революции 1905 года, Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола России – он встал в ряды *простонародья* против *сословной элиты* и в стан *почвенников* против *западников*. За это одни его возненавидели, а другие – полюбили.

Что касается характера, то Сергей Есенин, поэт не купленный, о Ленине написал: «*Слегка суров и нежно мил*». А в другом месте:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.

На какое-то время в России стали верить Познеру больше, чем Есенину, но это время проходит. Значит, будем говорить о *делах*, а не о личности.

– Надо прислушаться к носителям художественного чувства, оно часто приоткрывает знание. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин. Были те, кто его принял, как избавление, – Блок, Есенин, Шолохов. Надо вникнуть в мотивы и тех, и других. А кто считает себя западником, пусть почитает современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, – Бертрана Рассела и Ганди, Грамши и Кейнса. Все это – урок истории, его надо освоить независимо от нынешней позиции каждого.

Но это – первое приближение. Надо понять, что же такого ценного сделал Ленин, за что его уважали многие достойные и умные люди во всем мире и любила большая часть народа России. И что он сделал не так, из-за чего антисоветские силы через 70 лет одержали верх. Разговор трудный. Антিলенинская кампания последних 35 лет недобросовестна и нанесла всем большой вред. В ней не было разумной критики, и все сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить серьезные вопросы даже самим себе.

Вспомним ситуацию. С конца XIX века России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от него. Она слишком раскрылась Западу, а он не желал и уже *не мог* «принять» ее. Это было «исторической ловушкой»: возникли порочные круги, которые не удавалось разорвать. Замаячила революция как выход через *катастрофу*.

Было несколько проектов, все их перепробовала Россия. Каждый проект отражался в другом, каждая неудача обогащала знанием всех. Успешным был проект Ленина. Этот выбор

вынашивали все, в том числе оппоненты и противники. В этом рывке было сделано много открытий мирового значения.

Сегодня наше общество духовно больно – элита, вскормленная великими делами планетарного масштаба, эти дела своего народа старается принизить и оплевать.

В основе советского проекта был *крестьянский общинный коммунизм*. Маркс считал его реакционным, он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верил поначалу и Ленин. Его подвиг в том, что он преодолел давление марксизма, при этом нашел такие доводы, что стал не пророком-изгоем, каких немало, а вождем масс.

Назад из кризиса не выходят, и ленинизм соединил общинный коммунизм с идеалами Просвещения, что позволило России не закрыться в общине, а создать промышленность и науку – минуя котел капитализма. Это был новаторский проект, и он сбылся – на целый исторический период. И Победа, и Космос, и тот запас культурной прочности, на котором мы переживаем нынешний кризис, – результаты того проекта.

Ленин – мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог. Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гирями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Так было и с Брестским миром, и с военным коммунизмом, и с НЭПом, и с устройством СССР. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее, а в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век. В этом плане Сталин был его учеником.

Ленин выдвинул и частью разработал с десяток фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения.

Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от мирового сообщества марксистов. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии. Он преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединив «западников и славянофилов» в советском проекте. На полвека была нейтрализована русофобия Запада.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но как нам не хватало в постсоветские годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции* (ее обуздания). Это гораздо сложнее, чем начать революцию. Гражданская война была остановлена резко, ее переход в «молекулярную» форму погубил бы Россию. Именно поэтому Есенин сказал, что Ленин «спас нас». Системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов придали силу политическим технологиям Ленина.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы, а затем и вновь собрать земли «империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фун-

даментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение, – опыт XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Что не удалось сделать Ленину – это уже задачи для нас. Надо сказать на будущее.

Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нем будет возрождаться сословность («бюрократия»), и сословные притязания элиты создадут опасность для строя. Так и произошло. Никаких идей о том, как этому можно противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуты они и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растет.

Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придавал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис свел на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача даже не была поставлена в проекте Ленина, к ней не готовилось ни государство, ни общество. Поэтому кризиса 70—80-х годов СССР не пережил.

Наконец, Ленин, разрешив срочную задачу сборки СССР, не учел тех процессов в национальном самосознании народов СССР, которым способствовало огосударствление этносов. В период сталинизма возникавшие при этом проблемы разрешались чрезвычайными способами, а с конца 50-х годов контроль за их развитием был утрачен. Эта важная для многонациональной страны проблема в проекте Ленина не была даже названа, надежды возлагались на консолидирующую силу социальных отношений.

Эти задачи легли на плечи нынешних поколений.

1. Предыстория борьбы на распутье русской революции

Революционная интеллигенция России, которая вырабатывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в конце XIX – начале XX века находилась под сильнейшим влиянием марксизма. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. Благоприятное влияние, о котором писали русские философы, – дисциплинирующее воздействие методологии Маркса. Подчеркивая общекультурное значение марксизма для России, Н. Бердяев отмечал в «Вехах», что марксизм требовал непривычной для российской интеллигенции интеллектуальной дисциплины, последовательности, системности и строгости логического мышления.

Важнейшим духовным продуктом марксизма был *антропологический оптимизм* – уверенность в то, что лучшее и справедливое будущее человечества *возможно* и для его достижения имеются эффективные средства. С.Н. Булгаков, уже совершенно отойдя от марксизма, писал, что после «удушья» 80-х годов XIX века именно марксизм явился в России источником «бодрости и деятельного оптимизма». Переломить общее настроение упадка было тогда важнее, чем дать верные частные рецепты. Содержащийся в марксизме пафос прогресса помог справиться с состоянием социального пессимизма. По словам Булгакова, марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению» [50].

Второе фундаментальное изменение, которое внес марксизм в общественную мысль, заключалось в рационализации той части духовных исканий человека, которые ранее выражались лишь на языке идеалов и нравственности. Маркс, развивая проект Просвещения, задал рациональную «повестку дня». Г. Флоровский, объясняя, почему марксизм был воспринят в России конца XIX века как мировоззрение, писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX века тягу к религиозной философии. Флоровский пишет: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах» (см. [51]).

Огромную роль сыграл марксизм в консолидации российского общества вокруг проблемы «образа будущего». Как целостное связанное учение, соединившее в себе рациональную концепцию с нравственными идеалистическими императивами, марксизм был эффективно применен большевиками для создания идеологии, на время овладевшей массами. В этой идеологии стихийные народные представления о благой жизни были скреплены логикой и идеалами марксизма, которые в тот момент оказывали почти магическое воздействие на сознание. Это не дало народу в момент катастрофы 1905–1920 годов рассыпаться на мелкие группы, ведущие «молекулярную» войну всех против всех. Известно, что в периоды таких катастроф общества, не связанные размышлением о будущем и о путях к желаемому жизнеустройству, порождают массу бандитских шайк и милитаристских групп – кризис порождает *общности извергов*.

Учитывая все это, необходимо рассмотреть те установки Маркса и Энгельса, которые внесли раздор в демократическое и революционное движение России и нанесли ущерб и само-

сознанию интеллигенции, и развитию русской революции, и здоровью уже советского общества и государства. Хотя, на мой взгляд, наши революционеры сами виноваты – слишком они были очарованы марксизмом и воспринимали все его положения как откровение свыше. Тогда у нашей интеллигенции были романтические представления о народе и обществе, а рациональности научного типа было недостаточно.

Маркс предупреждал, что предмет его учения – западный капитализм и западный пролетариат. Он прямо указывает: «в том строе общества, которое мы сейчас изучаем, отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические». А это значит, что результаты такого изучения не приложимы к тем обществам, где не произошло атомизации человека и производственные отношения содержат общинный компонент. Эти предупреждения прогрессивная русская интеллигенция игнорировала и смотрела на общественные процессы в России через призму марксизма.

Согласно видению истории как смены социально-экономических формаций на той стадии развития, на которой находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат. Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главными задачами революции в России, которая должна была быть только буржуазной, являлись свержение монархии, устранение сословий, ликвидация барьеров, дать простор капитализму в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества, виделось противником главных устремлений революции.

Но и попытку пролетариата бороться против капитализма, который еще не исчерпал свой импульс, Маркс и Энгельс считали *реакционной* – даже в форме *интеллектуальной* (литературной) борьбы. Они пишут в «Манифесте Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнильность» [30, с. 455].

Эта уравнильность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», рассматривалась Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса.

Вторая установка классического марксизма, которая довлела над мировоззрением русской революционной интеллигенции, состояла в концепции разделения народов на *революционные* и *реакционные*. Народ, представляющий Запад, является по определению прогрессивным, даже если он выступает как *угнетатель*. Народ-«варвар», который пытается бороться против угнетения со стороны Запада, является для классиков марксизма *врагом* и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Энгельс следующим образом трактует революционные события 1848 года в Австро-Венгрии: «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это – *немцы, поляки и мадьяры*. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны» [98]¹.

---

¹ Из «вульгарного» марксизма, который преподавался в СССР, вытекало, что революция ожидалась как путь к освобождению *всех народов* от угнетения и эксплуатации. Именно так мы понимали смысл девиза «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*».

Русские считались реакционным народом, угрожающим Европе. С XVI века в элите Запада к образу России как «варвара на пороге» добавлялся «географический» мотив представления русских как азиатского народа. Утверждали даже, что для Европы «русские хуже турок». Маркс писал: «Турция была плотиной Австрии против России и ее славянской свиты» [4].

Почти целый век эксплуатировался и миф об угрозе для Европы *панславизма*, за которым якобы стояла Россия. Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы – России».

В большой статье «Демократический панславизм» Энгельс пишет, обращаясь к русским демократам: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [35].

Насколько живучим был миф панславизма, видно из того, что к нему обращается даже Гитлер в «Майн Кампф»: «Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия». Более того, представление о России, угрожающей Европе «панславизмом», продолжало быть актуальным и в отношении СССР. В книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951) прямо сказано, что «большевизм должен своим происхождением панславизму более, чем какой-либо иной идеологии или движению».

Русофобия Маркса и Энгельса, их представление о русских как реакционном народе были неразрывно связаны с ненавистью к *России* как государству и стране. В трудах основоположников марксизма это чувство проходит как постоянно звучащий мотив. Оно бросается в глаза и удивляет человека, который начинает читать подряд, без определенной цели, сочинения Маркса и Энгельса, – из советского марксизма этот болезненный колорит был вычищен. Эта адаптация марксизма пошла нам на пользу, но и сделала нас беззащитными против рассуждений, в которых антироссийский смысл сохранился в неявном виде.

По мнению Маркса, «народ создает государство» (а сам он порождается «кровью и почвой»). Какое же государство мог породить реакционный народ? Только реакционное. Для таких энтузиастов идеи прогресса, как Маркс и Энгельс, уже этого было достаточно, чтобы видеть в России особую реакционную силу.

Российское государство опиралось на все те силы, отношения и институты, которые в глазах Маркса были главными генераторами реакционного духа, – религию, государственное чувство, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию. Таким образом, Россия представляла как активный источник реакции, бросающий вызов прогрессивным силам мировой цивилизации.

Свою неоконченную работу «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (написана в 1856–1857 гг.) Маркс завершает так: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира... Так же как она поступила с Золотой Ордой, Россия теперь ведет дело с Западом. Чтобы стать господином над монголами, Московия должна была *татаризоваться*. Чтобы стать господином над Западом,

она должна *цивилизироваться*... оставаясь Рабом, то есть придав русским тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних» [2].

Прошло десять лет, но этот антироссийский штамп применился Марксом без изменения. На митинге в Лондоне он произнес патетическую речь: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики – мировое господство, остается неизменным. Только извортливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замышлять подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое московитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [3, с. 206, 208].

Изложенные Марксом и Энгельсом после 1848 года представления о прогрессивных и реакционных народах, о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (особенно русских) резко осложнили развитие движения революционных демократов в России. Эти представления вызвали в русском марксизме того времени раскол, который затем перерос в конфликт марксистов с русскими народниками, а затем и в конфликт меньшевиков и эсеров с большевиками.

Принципиальное неприятие положений Маркса и Энгельса в указанных выше вопросах выразил М.А. Бакунин (по свидетельству самого Энгельса, самый умелый и мужественный командир революционных войск в 1848 г. в Праге и в 1849 г. в Дрездене). Так возник его конфликт с основоположниками марксизма, привел к вражде и изгнанию Бакунина из общности марксистов, а в обществоведении СССР – к замалчиванию тех важных идей и прогнозов, которые высказал Бакунин относительно назревающей русской революции. Как сказал о Бакунине Н.А. Бердяев, «в его русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов».

В книге Бакунина «Кнуто-германская империя и социальная революция» [5], которая послужила ответом на серию статей Энгельса о революционных народах, славянах и крестьянах, Бакунин выдвинул тезис о том, что *национальный* шовинизм (ненависть к «реакционным народам») и *социальный* шовинизм (ненависть к «реакционному крестьянству») имеют одну и ту же природу. Оба они отражают расизм западного капитализма, который оправдывает присущую ему эксплуататорскую сущность своей якобы цивилизаторской миссией. Бакунин считает, что буржуазная идеология «заразила» этим шовинизмом и рабочий класс Запада, включая рабочих-социалистов.

Бакунин категорически отвергает представления Маркса и Энгельса о крестьянстве, об «идиотизме деревенской жизни». Он предупреждает рабочих, что этот социальный расизм в отношении крестьян не имеет под собой никаких разумных оснований. Более того, Бакунин выдвигает пророческий тезис о том, что социалистическая революция может произойти только как действие *братского союза* рабочего класса и крестьянства. Эта мысль была принята народниками. Позже этот тезис Ленин развил в целостную политическую доктрину (которая и стала основанием *ленинизма*). Но к этим установкам русские большевики пришли, только осознав опыт революции 1905–1907 годов, а марксисты-меньшевики не пришли вовсе.

Поскольку, начиная с 70-х годов XIX века, марксизм господствовал в умах левой и либеральной российской интеллигенции, вывод Бакунина замалчивался. Его предвидение характера назревающей русской революции как социалистической, а также совершаемой союзом рабочего класса и крестьянства, Маркс назвал «ученическим вздором». Он увидел в нем неле-

пую попытку низвести пролетарскую революцию в высокоразвитой Западной Европе на уровень «русских или славянских земледельческих и пастушеских народов»².

Следующим поколением реакционных русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 80-е годы XIX века экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подходы к изучению истории. Концепцию народников Маркс отверг категорически и очень резко, и это сыграло важную роль в судьбе революционного движения в России.

В 1875 году народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс просил Энгельса ответить на нее. Ответ («О социальном вопросе в России» [1]) был полон грубых личных выпадов против Ткачева, но слабых доводов.

Через полвека Н.А. Бердяев писал: «Замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы был П.Н. Ткачев... Он первый противоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения, очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [6, с. 59–60].

Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и “собственники”, стоят “ближе к социализму”, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [1, с. 546].

Энгельс предупреждает, что революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии» [1, с. 537].

Вывод был таков: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [1, с. 526].

К чему же свелся этот европейский контроль? Прежде всего к атаке на российское народничество и к побуждению русских марксистов вести такие атаки и внутри России.

Энгельс пишет Вере Засулич (3 апреля 1890 г.): «Совершенно согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества – немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских».

---

² Примечательно введенное Марксом разделение «русских или славянских народов». Маркс верил в нелепую теорию, согласно которой русские не были славянами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.